

На правах рукописи

Попова Варвара Сергеевна

**ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

09.00.03 – история философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский педагогический государственный университет» на кафедре философии Института социально-гуманитарного образования

Научный консультант: **Щедрина Татьяна Геннадьевна**
доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Порус Владимир Натанович,
доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»» (г. Москва), факультет гуманитарных наук, школа философии, ординарный профессор, руководитель школы философии

Мотовникова Елена Николаевна,
доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», социально-теологический факультет, кафедра философии и теологии, профессор кафедры

Шульга Елена Николаевна,
доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук» (г. Москва), сектор философии естественных наук, ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный университет»

Защита состоится «16» декабря 2019 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.06, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» по адресу: 119991, г. Москва, ул. Пироговская, д. 1, стр. 1 и на официальном сайте университета по адресу: www.mpgu.su.

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецова Светлана Вениаминовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В драматические события истории России первой половины XX века были вовлечены все сферы общественной жизни. Один из миров, который переживал в это время судьбоносные события, – это мир интеллектуальной культуры, включавший в себя феномен университетской философии. Сегодня исследовательское сообщество сходится во мнении о том, что назрела необходимость переосмысления сложного времени в истории русской философии – отечественной мысли первой половины XX века. На фоне этого исследовательского интереса возникают споры о том, как оценивать внутреннее единство этого периода отечественной философии. По-новому ставятся вопросы о том, каким образом историческое время и пространство объединяли русских мыслителей, о тематических, смысловых и стилистических связях. Ведутся дискуссии о самом феномене целостного культурно-исторического образа русской философии первой половины XX века. Эти споры возникают потому, что современный эпистемологический и методологический инструментарий, археографические наработки, методологические запросы современного социально-гуманитарного знания создают основания для переосмысления как отдельных идейных традиций, так и целостного феномена русской философии.

В данной работе показано, что одним из факторов, скреплявшим, объединявшим, имплицитно сохранявшим и после Октябрьской революции русскую интеллектуальную традицию университетской философии стало именно логико-методологическое идейное поле. Поэтому в диссертации анализируется логико-методологический опыт трех русских философов первой половины XX века, принадлежавших по своим взглядам различным гносеологическим традициям – кантианской (А. И. Введенский), интуитивистской (Н. О. Лосский) и феноменолого-герменевтической (Г. Г. Шпет). Выбор именно этих фигур для анализа обусловлен тем, что при исследовании их логико-методологических построений наиболее ярко проявляется общность стиля философского мышления в русской философии. На пересечении этих традиций просматривается возможность диалога различных когнитивных практик, что позволяет выявить целостное тематическое поле русской философии первой половины XX века.

Многие из русских университетских философов, не делая логику центром своих научных интересов, все же обращались к логической проблематике в силу того, что их самостоятельные шаги в философии требовали подведения рациональных основ, методологического инструментария, который могла предоставить именно логика, в том или ином виде переосмысленная. Логика в культуре схватывает и аккумулирует суть рациональных установок научного сообщества. Ценность логики как способа научной объективации, сохранения и трансляции знания в среде университетских философов доказывает тот факт, что многие философы брали на себя преподавание логических курсов, подготовку учебных материалов по логике и всячески в этих лекциях обосновывали академическую значимость и пропедевтическую необходимость

логики. Этот опыт осмысления логико-методологической проблематики оказываются актуальными сегодня.

Фактором актуализации рассматриваемых в работе вопросов является связь логического знания с феноменом рациональности, как в узком научно-методологическом, так и в широком социокультурном смысле. Историко-философский ракурс осмысления погружает нас в контекст русской ментальной действительности и специфического способа бытия рациональности в культуре. Важно также, что логика должна подаваться вместе с ее историей, для переосмысления ее исторической роли в русской интеллектуальной культуре, а для студентов-философов – вместе с фактами университетской философской культуры. Именно поэтому особый интерес представляет осмысление историко-философского опыта рассмотрения роли логики на отечественной почве в контексте развития философии, образования и науки в России. Ведь именно философия, образование и наука – основные корреляты изменения уровня рациональности в культуре.

Разнообразные модели логики, которые разрабатывали русские философы первой половины XX века, актуальны еще и потому, что позволяют нам сегодня максимально широко применять результаты их логико-методологического опыта к анализу контекстуально обусловленных социально-гуманитарных феноменов. Эти наработки, имевшиеся в русской философской мысли первой половины XX века, оказались незамеченными и забытыми. Русская логико-методологическая мысль вплоть до недавнего времени рассматривалась по большей части как пройденный этап восприятия и трансляции традиционной логики, не давший ничего оригинального (за исключением, пожалуй, концепции Н. А. Васильева) не только на фоне зарубежной, но даже на фоне отечественной философии, оригинальность которой чаще всего заострялась на духовно-религиозной проблематике. Однако осмысление логико-методологического опыта русских философов первой половины XX века указывает на эффективность сформировавшегося тогда образа логики и логико-методологического стиля мышления. Этот опыт может быть востребован и сегодня, потому что постановка многих философских проблем, которые решались тогда и теми логико-методологическими средствами, снова выходит на первый план.

Современные тенденции в философской методологии обусловили «поворот» логики в сторону субъекта – мыслящей личности, оживился интерес специалистов к проблеме эффективности, успешности естественного мышления, к возможностям моделирования естественного мышления, «конкуренции» искусственного интеллекта с человеческим интеллектом. В этой связи заслуживает внимания эпистемологический опыт русских философов, выявляющих специфические особенности гуманитарного познания (А. И. Введенский, Н. О. Лосский, В. И. Ивановский, И. И. Лапшин, С. И. Поварнин, Г. Г. Шпет и другие). Предложенные ими интерпретации методологического статуса субъекта в гуманитарном знании остаются актуальными и сегодня. Новым аспектом анализа логических построений российских ученых первой половины XX века может быть выделение их

своеобразных философских образов логики и общего стиля мышления, в рамках которого логика предстает как система знания, ориентированная на развитие гуманитарного познания, совершенствование способа построения этого знания с выходом на эмпирический субъект.

Логико-методологический опыт русских философов первой половины XX века актуален и как особый тип отношения к знанию как культурно-историческому феномену, как к ценности. Его осмысление может способствовать возрождению в культурной исторической памяти ценностного отношения к фундаментальному знанию, носителями которого являлись русские мыслители.

Степень научной разработанности проблемы. Логико-методологический опыт русских университетских философов получил рефлексию на самом этапе становления в конце XIX – первой половине XX веков. Этот первичный слой исследований, современных самой ситуации, включает логико-гносеологические труды М.И. Владиславлева, Н.Я. Грота, И.И. Лапшина, В.Н. Ивановского, Н.О. Лосского, С.И. Поварнина, Г.Г. Шпета и других авторов. Здесь следует также обратить внимание на «истории русской философии», предлагавшиеся самими творцами указанного периода (например, размышление о судьбах философии в России А.И. Введенского, очерки Г.Г. Шпета, «истории русской философии» Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского) и выделить из этих источников логико-методологическую проблематику. Сюда же можно отнести критические статьи, рецензии и отзывы, которыми обменивались авторы логико-методологических учений. Так, особенно активный обмен мнениями продемонстрировали И.И. Лапшин и С.И. Поварнин, А.И. Введенский и Н.О. Лосский, Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет.

Второй блок работ демонстрирует степень современного исследовательского внимания к логико-методологическим учениям России первой половины XX века. Есть работы, глубоко специализирующиеся на отдельных персоналиях, дискуссиях, направлениях. Например, исследования В.А. Бажанова о Н.А. Васильеве; Т.Г. Щедриной о Г.Г. Шпете; Б. В. Бирюкова и Л. Г. Бирюковой, В.И. Кобзаря об А.И. Введенском как логике; работы о русском кантианстве и неокантианстве А.И. Абрамова, В.Н. Белова, Н.А. Дмитриевой, Л.А. Калининкова, А.Н. Круглова; публикации о С.И. Поварнине (с новым изданием сборника его работ) В.И. Кобзаря, Т.Е. Сохор и Л.Г. Тоноян; сборники из цикла «Философы России первой половины XX века» по персоналиям и направлениям (о Васильеве, Введенском, Ивановском, Каринском, Лапшине, Лосском, Шпете, о логико-гносеологическом направлении в русской мысли, о философии психологии и др.), ряд работ А.А. Ермичева, В.А. Малинова, посвященные университетским философским дискуссиям. Также следует выделить публикации, обращенные к феномену университетской философии, методологии и логики, русской философской культуре (В.Н. Акулинин, В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец, Б.В. Бирюков, А.А. Ермичев, В.К. Кантор, В.И. Кобзарь, С. Н. Корсаков, В.А. Малинов, М.А. Маслин, В.Л. Махлин, Е.Н., Мотовникова, П.А. Ольхов, В. Ф. Пустарнаков, Е.

А. Ростовцев, М.Ф. Румянцева, О.В. Самылов, Л.С. Сироткина, Л.Н. Столович, А.В. Шевцов, Т.Г. Щедрина, и др.).

В советский период практически первой монографией, обращенной к русской дореволюционной истории логики, стали «Очерки по истории логики в России» (МГУ, 1962), однако в этой книге отсутствует общая оценка состояния логико-методологического направления до Октябрьской революции. Можно констатировать, что глубокие и всесторонние работы по истории отечественного логико-методологического направления стали появляться только в 90-е годы прошлого века, например, работы упомянутого В. А. Бажанова. В центре внимания исследователя находится «университетская философия», под которой он подразумевает определенное направление философии в России. В этом контексте следует отметить важную научную и просветительскую роль проекта издания серии «Философия России первой половины XX века», что позволило существенно актуализировать исследовательскую заинтересованность в данной области и составило важный материал для осмысления проблематики, заявленной в диссертации.

Отдельно следует сказать об исследованиях творчества Г. Г. Шпета. В последние годы они обогащаются новыми изданиями, содержащими глубокие комментарии и неопубликованные редкие материалы, благодаря, в первую очередь, усилиям Т. Г. Щедриной. Различные аспекты методологических идей Шпета также отражены в исследованиях В.П. Зинченко, В.Г. Кузнецова, С.Ю. Мазур, Т.Д. Марцинковской, Л.А. Микешиной, В.И. Молчанова Б.И. Пружинина, П. Стайнера, В.А. Суровцева, Е.А. Счастливецовой, И.М. Чубарова и других.

Третий блок разработок можно объединить под эгидой методологических подходов к историко-философскому исследованию логико-методологической проблематики. С точки зрения построения модели развития логики как части истории философии и культуры, а также в контексте разбора проблемы психологизма-антипсихологизма важное место занимают работы В. Н. Брюшкина, И. Н. Грифцовой, В.И. Кобзаря, М. Куша, К.А. Михайлова, А.Г. Пушкарского, Е.Д. Смирновой, Г. В. Сориной, а также собственные исследования автора диссертации. Культурно-исторический подход в современной гуманитарной эпистемологии (а также ключевые его понятия, такие как «стиль мышления», «сфера разговора», «архив эпохи» и другие) всесторонне рассматривается в работах В.П. Зинченко, К.Г. Исупова, Л.А. Микешиной, П.А. Ольхова, В.Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. Современный методологический каркас исследований эпистемологической проблематики в России и, в частности, проблемы рациональности составляют публикации Н.С. Автономовой, В.Н. Брюшкина, П.П. Гайдено, Б.С. Грязнова, Е.Г. Драгиной-Черной, А.С. Кармина, И.Т. Касавина, В.Г. Кузнецова, В.А. Лекторского, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешиной, А.Л. Никифорова, Б.И. Пружинина, В.Н. Поруса, В.Н. Садовского, Н.М. Смирновой, В.С. Степина, В.П. Филатова, В.С. Швырева, Е.Н. Шульги, Е.Л. Чертовой и других исследователей.

Несмотря на существенный корпус исследований, имеющих междисциплинарный характер и затрагивающих историю философии, историю логики, методологию науки, эпистемологию, необходимо отметить, что сравнительного историко-философского анализа опыта осмысления логико-методологических проблем отдельными университетскими философами России первой половины XX века (принадлежащими по своим взглядам различным традициям – кантианской, интуитивистской и феноменолого-герменевтической) в научных работах нет. Такой угол зрения на проблему предлагается впервые в данном исследовании.

Объект исследования – корпус логико-методологических работ А. И. Введенского, Н. О. Лосского, Г. Г. Шпета, а также их философское наследие. **Предмет исследования** – логико-методологический опыт русских университетских философов первой половины XX века.

Цель исследования – осуществить историко-философскую реконструкцию логико-методологического опыта университетских философов в контексте современных проблем философии гуманитарного знания.

Задачи исследования:

– Проанализировать модусы логики А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета в философско-методологическом аспекте; раскрыть философские основания и социокультурные предпосылки их университетских курсов по логике.

– Выявить дискуссионные логико-методологические вопросы, составлявшие тематическое поле исследований университетских философов (А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета), показать их соотношение с современными эпистемологическими дискуссиями о рациональности, психологизме, интуитивизме, критериях научности и способах философской аргументации.

– Проанализировать философские интерпретации логико-методологической дилеммы «психологизм – антипсихологизм» в историко-философском контексте.

– Выявить исторические корни «психологизма» в русской философии первой половины XX века.

– Раскрыть психологистические и антипсихологистические трактовки проблемы «другого Я» в контексте философских дискуссий в России первой половины XX века.

– Продемонстрировать эффективность использования концепта «стиль философского мышления» для осмысления логико-эпистемологического опыта русских университетских философов.

– Показать социокультурную обусловленность стиля философствования (на материале творчества Н. О. Лосского).

– Проанализировать стили философствования Введенского, Лосского и Шпета на материале их отношения к дилемме «психологизм – антипсихологизм».

– Вписать логико-методологические проблемы в культурно-исторический контекст университетской философии России первой половины XX века и установить связь с интеллектуальной культурой современности.

Концептуальные и методологические основания исследования. Основные методологический инструментарий, использовавшийся при подготовке диссертации, включает метод историко-философской реконструкции, историко-компаративистский метод, культурно-исторический подход, принцип единства исторического и логического, принцип дополнительности, феноменологический, герменевтический подходы, а также элементы общенаучных методов.

Концептуальной и научно-теоретической основой диссертации послужили работы отечественных и зарубежных философов, предложивших те или иные подходы к анализу историко-философского материала, экспликации логико-методологических проблем, а также исследованию проблем социально-гуманитарного познания. Значимыми для исследования являются труды: В. А. Бажанова, Б. В. Бирюкова, В. Н. Брюшинкина, А.А. Ермичева, Г. Г. Гадамера, И. Н. Грифцовой, А. Ф. Грязнова, Э. Гуссерля, И. Канта, И. Т. Касавина, В. И. Кобзаря, В. А. Лекторского, А.В. Малинова, В. Л. Махлина, Л. А. Микешиной, Н. В. Мотрошиловой, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Б. Рассела, Н. М. Смирновой, Г. В. Сориной, В. С. Степина, Г. Г. Шпета, Т. Г. Щедриной и др.

Анализ логико-методологических концепций осуществлен с опорой на следующие методологические понятия: «образ логики» (введено И.Н. Грифцовой); «авторский образ логики», «модус логики». Авторский образ логики выделяется при обращении к конкретному философу и его тексту, оценивается по ряду параметров с точки зрения принадлежности общему образу логики. Поэтому авторский взгляд на логику, её место и методологическую роль относиться к общему образу логики как вид к роду. Выделенные своеобразные авторские взгляды на логику в их конкретике именуются модусами логики.

Автор руководствовался следующими методологическими пресуппозициями:

1) к истории логики как к истории науки применимы методологические принципы исторического исследования;

2) к интерпретации истории логики применимы различные историко-философские подходы;

3) к исследованию истории логики применимы подходы, рассматривающие понятие рациональности;

4) история логики может рассматриваться как на развитие методологического опыта.

Обращение к понятию логико-методологического опыта представляется оправданным в контексте современной гуманитарной эпистемологии по ряду причин: 1) понятие познавательного опыта вошло в оборот современной гуманитарной эпистемологии, его содержание глубоко исследовано (в частности, в работах Л. А. Микешиной); 2) понятие опыта обладает многозначностью, что дает возможность представить познавательную деятельность философа многоаспектно; 3) понятие опыта придает человекоразмерность исследуемому

материалу, позволяет раскрыть мировоззренческие предпосылки, в которых представлен ценностный, личностный аспект познания; 4) понятие опыта подчеркивает значимость фундаментального знания как опыта его выдающегося носителя; 5) понятие опыта предполагает диалогичность знания, идейную преемственность, согласие, противоборство, т.е. «философский разговор» внутри эпохи.

Данная работа основывается на культурно-историческом подходе в истории философии. В этом контексте особое внимание уделяется методологическому понятию «стиль научного мышления» (разработка понятия проводилась Ю.В. Сачковым, Л.А. Микешиной, В.Н. Порусом, Б.И. Пружининим), которое применяется к логико-методологической проблематике. Понятие стиля научного мышления предполагает историко-философский анализ логико-языковых структур, их вариативность и уместность в логико-методологическом опыте каждого мыслителя (Б.И. Пружинин). Поскольку в рамках работы речь идет о философских текстах и о логико-гносеологических подходах, представленных в них, то целесообразно использование таких понятий, как «эпистемологический стиль» и «стиль философствования». Отношения между понятиями стиля мышления, стиля научного мышления, эпистемологического стиля и стиля философствования выстроены в главе 2 раздела 2, параграфе 2.2.1.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые осуществлен сравнительный историко-философский анализ опыта осмысления логико-методологических проблем отдельными университетскими философами России первой половины XX века, принадлежащими по своим взглядам различным традициям: кантианской (Введенский), интуитивистской (Лосский) и феноменолого-герменевтической (Шпет). Получены следующие результаты:

- Обосновано и применено методологическое понятие «образ логики»; оно использовано для анализа логико-методологических учений Введенского, Лосского и Шпета (выделены основополагающие характеристики их модусов логики), что позволило раскрыть философские основания и социокультурные предпосылки их университетских курсов по логике.
- Выявлены дискуссионные логико-методологические вопросы, составлявшие тематическое поле исследований университетских философов (А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета): проблема трактовки причинности, проблема трактовки синтетических и аналитических суждений, логических законов, рациональности, интуитивизма и реализма. Показано значение их методологических споров для современных эпистемологических дискуссий.
- Проанализированы философские интерпретации логико-методологической дилеммы «психологизм – антипсихологизм» в историко-философском контексте, выявлены исторические истоки «психологизма» в русской философии первой половины XX века, что позволило обосновать актуальность «психологизма» для современных логико-методологических разработок.

- Продемонстрировано влияние идей Дж. Ст. Милля на становление логико-методологического опыта университетских философов в России первой половины XX века.
- Раскрыты психологистские и антипсихологистские трактовки проблемы «другого Я» в контексте философских дискуссий в России первой половины XX века.
- Предложено определение понятия «логическая культура», а также выделены существенные признаки этого понятия и параметры, через которые получает проявление логическая культура отдельного человека или некоторого сообщества людей.
- Показано, что своеобразии отдельных логико-методологических учений университетских философов России первой половины XX века может быть исследовано с опорой на понятия «стиль философского мышления», «образ логики», «логическая культура».
- Исследован вопрос о культурно-исторических основаниях стиля философствования (на материале творчества Н. О. Лосского).
- Проанализированы особенности стилей философствования А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета на материале их дискуссий вокруг дилеммы «психологизм – антипсихологизм».
- Логико-методологический опыт А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета представлен в культурно-историческом контексте университетской философии России первой половины XX века, установлена связь их эпистемологических установок с интеллектуальной культурой современности.
- Логико-методологический опыт Г. Г. Шпета впервые представлен в контексте русской традиции осмысления сущности и роли логики в построении знания; показано, что шпетовская трактовка соотношения общей логики как формальной дисциплины с логикой гуманитарного знания представляется актуальной в свете современных дискуссий о гуманитарной эпистемологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историко-философская реконструкция логико-методологического опыта русских университетских философов первой половины XX века может быть осуществлена только в контексте современных проблем философии гуманитарного знания.

2. В России первой половины XX века развитие логики имело специфику (тесная связь с гносеологией, психологией, практикой мышления), что позволяет сопоставлять логико-методологический опыт русских философов первой половины XX века с современными методологическими принципами гуманитарных наук, а также принимать во внимание при анализе этого опыта своеобразную – антропологическую – трактовку логики.

3. Специфика логико-методологического опыта А. И. Введенского, Н. О. Лосского, Г. Г. Шпета состоит в том, что каждый из них придерживался

особой эпистемологической установки (кантианской, интуитивистской, феноменолого-герменевтической).

4. В российской университетской философии первой половины XX века логика и ее отношение к другим наукам определялась в контексте осмысления философской природы рационального мышления.

5. Актуальность дилеммы «психологизм – антипсихологизм», обсуждавшейся русскими университетскими философами в первой половине XX века, обусловлена рядом современных логико-методологических тенденций (обсуждение эмпирического субъекта познания в эпистемологии социогуманитарного знания; тенденция к конвергенции логики, аргументорики, когнитивных наук, исследований по искусственному интеллекту; возрастающая роль неформальной логики, антропологических подходов к анализу аргументации).

6. Идеи Дж. Ст. Милля не только оказали влияние на осмысление проблемы психологизма русскими университетскими философами, но явились тематическим ядром в обсуждении статуса таких дисциплин, как логика, психология, методология науки в России первой половины XX века.

7. Адекватная современным социокультурным реалиям трактовка университетскими философами вопроса о соотношении «Я» и «другого Я» требует элиминировать жесткую оппозицию субъекта и объекта; в современных исканиях коммуникативной рациональности могут быть применены решения, предлагаемые русскими мыслителями, находящиеся в поле проблемы «другого Я».

8. Логико-методологический опыт Шпета, основанный на феноменологическом подходе, выходит за рамки проблемы «психологизм – антипсихологизм» и открывает новые возможности для современного осмысления сущности и роли логики в построении знания.

9. Преемственность модусов логики и стилей философского мышления А. И. Введенского, Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета определяется их представлениями о рациональности и «чужом» сознании, а также реализуемыми мыслителями высокими образцами логической культуры мышления.

10. Логико-методологический опыт представителей различных философских традиций в России первой половины XX века (кантианской, интуитивистской и феноменолого-герменевтической) имеет общие культурно-исторические основания. Логика в России того времени как университетская дисциплина становилась частью интеллектуальной культуры и формировала ту её часть, которую можно назвать логической культурой. При этом логическая культура, реализуемая в логико-методологическом опыте русских философов, опиралась на системное философское знание, научно-коммуникативные и образовательные практики.

Теоретическая, методологическая и практическая значимость исследования. Диссертация является новым шагом сравнительного историко-философского анализа логико-методологических проблем, представленных в концепциях отдельных университетских философов России первой половины XX века, принадлежавших по своим взглядам различным традициям.

Теоретическая и методологическая значимость исследования определяется эффективностью основных положений работы для современного анализа проблем социально-гуманитарного познания. Историко-философская реконструкция логико-методологической мысли в философии России первой половины XX века способствует уточнению интеллектуальных предпочтений русских мыслителей XX века и намечает новые перспективы в исследовании проблем русской гуманитарной эпистемологии.

Практическая значимость диссертации обеспечивается возможностью использования её положений для разработки учебных программ философского бакалавриата и магистратуры. Материалы исследования могут быть использованы для преподавания широкого спектра дисциплин – история русской философии, история и философии науки, логика, история логики, различных спецкурсов.

Апробация результатов научного исследования. Центральные положения диссертационного исследования были представлены и обсуждены на заседании кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Также результаты диссертации были представлены в виде тезисов, докладов и материалов на конференциях, семинарах и чтениях: на I Чтениях памяти В. Н. Брюшинкина (БФУ им. И. Канта, Калининград, 26–27 июня 2014 г.); Круглом столе – онлайн-конференции: «Культурно-историческое сознание ученых-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: Опыт федеральных университетов» на базе двух федеральных университетов (БФУ им. И. Канта, Калининград; ДВФУ, Владивосток) при участии философов московских вузов (МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ, НИУ ВШЭ) (БФУ им. И. Канта, Калининград, май 2015 г.); Шестых Шпетовских чтениях «Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков» (ТГУ, Томск, 1–7 июня 2015 г.); Девятых Смирновских чтениях по логике (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва 17–19 июня 2015 г.); II Чтениях памяти В. Н. Брюшинкина (БФУ им. И. Канта, Калининград, 23 сентября 2015 г.); Десятых Смирновских чтениях по логике (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 15–17 июня 2017 г.); международной философской конференции «Русский логос: горизонты осмысления» (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), 25–28 сентября 2017 г.); Первом белорусском философском конгрессе «Национальная философия в глобальном мире» (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 г.); Всероссийской научной конференции «Анахарсис» - Четырнадцатые Таврические философские Чтения, (КФУ им. Вернадского, Крым, Судак, Новый Свет, 16-18 сентября 2018); международном семинаре «История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке» (ДВФУ, Владивосток, 15–17 октября 2018); IV Чтениях памяти Владимира Никифоровича Брюшинкина: «Идеалы и пределы рациональности в науке, философии и образовании» (БФУ им. И. Канта, Калининград, 14-15 декабря 2018).

Результаты исследования отражены в монографии, а также в научных статьях и других публикациях общим объемом более 31 печатного листа.

Также основные идеи диссертационного исследования апробировались в ходе чтения курсов «История логики» и «Актуальные проблемы логики и аргументорики», «Развитие логики и гносеологии в российской университетской философии» для студентов БФУ им. И. Канта.

Исследования диссертанта были поддержаны посредством грантов Российского гуманитарного научного фонда: проект № 10-03-00745а «Логика в России: спор А. И. Введенского и Н. О. Лосского» (2010–2012), проект № 13-03-00564а «Проблема психологизма в логических учениях второй половины XIX – начала XX века (Англия, Германия, Россия)» (2013–2015) и Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 17-03-00707 «Логическая культура в России: прошлое и современность» (2017–2019).

Краткое описание структуры диссертации

Настоящая работа состоит из введения, двух разделов, четырех глав, заключения и списка литературы. Каждый раздел содержит две главы. Каждая из глав имеет по три параграфа. Список литературы включает 315 наименований литературы. Общий объем диссертации – 300 страниц.

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень разработанности проблемы, задаются цель и задачи диссертации, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы, освещается научная новизна исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В первом разделе «Логика как методологическая проблема в университетской философии России первой половины XX века» произведен анализ различных аспектов логических учений А.И. Введенского, Н.О. Лосского и Г.Г. Шпета, из которых складываются своеобразные авторские модусы логики, а также выявляются философские основания этих логико-методологических концепций. Эти результаты соотносятся с контекстом современных логико-методологических дискуссий.

В первой главе первого раздела «Логика в философско-методологических разворотах: университетские курсы» рассмотрена специфика и роль логики в философских концепциях А.И. Введенского, Н.О. Лосского и Г.Г. Шпета. Исследование обращается к материалам логико-методологических дискуссий данных авторов, к идеям их учебных курсов по логике. Продемонстрировано, что логико-методологический опыт указанных философов актуален для современной философии гуманитарного знания.

В § 1.1.1. «Философские предпосылки логики А. И. Введенского» прослеживается становление логики в России конца XIX – начала XX века в связи с научно-педагогической деятельностью и развитием философской концепции кантианца. Показано, что благодаря академическому авторитету, организаторским способностям, отзывчивости к дискуссии Введенский оказал существенное влияние на сложившийся в научно-университетской среде образ

логики и философии, внес значительный вклад в дело формирования и распространения логической культуры и философского профессионализма в России. В связи с указанной культурно-исторической значимостью мировоззрения и деятельности Введенского раскрывается суть его видения логики и гносеологии в их взаимосвязях с психологией и методологией науки. Кантианец называет свою доктрину логицизмом, имея в виду своеобразный способ рационального обоснования возможности философских построений на основе анализа логических структур. Логика позволила А. Введенскому создать оригинальное доказательство философского критицизма. Для раскрытия философско-методологической роли логики Введенского в параграфе используются понятия «образ логики» и «модус логики». Модус логики Введенского определялся его приверженностью критицизму. Однако, как показано в работе, в этом следовании у Введенского не было полной тривиальной однозначности. Рассмотрение философско-методологического содержания статьи А.И. Введенского «Новая постановка вопроса о самостоятельности четырех фигур силлогизма» (1897) приводит к выводу о том, что он по некоторым субъективным основаниям был склонен минимизировать теоретическое значение логики в системе Канта. При этом образ логики Введенского включает установку о теоретической значимости логики как основания для построения самостоятельной философской концепции.

В параграфе проанализированы некоторые особенности представления логического знания Введенским. Он подчеркивает независимый дисциплинарный статус логики, но при этом тесно связывает её с гносеологией. Логика Введенского – это в первую очередь нормативная теоретическая наука. Показано, что образ логики Введенского находится в контексте кантианской философской традиции. Он развивает традиционную логику, используя минимальные элементы формализации, излагая логическое учение естественным языком, основывая анализ высказываний на выявлении субъектно-предикатной структуры. Центральное место в логике Введенского занимает учение об умозаклчениях.

Выделена специфика трактовки Введенским теоретических и практических задач логики. С практической точки зрения логика имеет непреложное образовательное значение, но особенно важна её критическая роль. По мнению диссертанта, осуществлению выделенной Введенским критической роли логики соответствует развитие навыков формального мышления, т. е. мышления в соответствии с заранее заданными и известными правилами. Введенский увидел, что логика способствует формированию таких качеств, которые вкуче можно назвать логической культурой мышления. В работе отмечена современность звучания идей Введенского в связи с понятием критического мышления (рассмотрены подходы А.С. Бобровой, Г.В. Сориной, В.Н. Брюшкина). Подчеркивается, что и чрезмерное выхолащивание логических операций мышления от содержательной конкретики, и их чрезмерная прикладнизация не релевантны описанию работы живого мышления. Похожие акценты были расставлены и в работах Введенского. Философ критикует исключительно утилитарный подход к логике.

Теоретическая роль логики заключается в её пропедевтическом значении для гносеологии и философии в целом. Введенский выстраивает границы научного знания, используя учение о логических законах. В параграфе проанализировано это учение, рассмотрена его эволюция и философско-методологическая роль. Установленные Введенским границы применимости логических законов влекут вывод о тождестве рационального и логического мышления. Философия науки Введенского сводится к вопросу о рациональном знании. В параграфе уделено внимание понятию гипотетического (или предпосылочного) знания, которое разрабатывалось Введенским, а теперь занимает важное место в современной эпистемологии. Выяснено, что при помощи указанного концепта Введенский демаркирует науку от ненауки, проводит разграничение между научно обоснованным знанием и верой, используя логику методологически. Философ указал, что предпосылочное знание трудно подвергнуть логическому анализу, что оно имеет исторический характер.

Постановка проблемы видов знания и их научного статуса, проблемы рациональности у Введенского и в современной эпистемологии перекликается, в параграфе выявлены эти параллели. Сделано заключение о том, что без рассмотрения логического учения Введенского, без выделения его оригинальности и методологической роли невозможны релевантные оценки философского наследия русского кантианца.

В § 1.1.2. «Философский спор о логике: А. И. Введенский vs Н. О. Лосский» реконструирована и исследована одна из интересных дискуссий в истории русской университетской философии начала XX века. Выделены характерные черты научных споров этой эпохи: все они в идеале предполагали логическую культуру мышления, которая присутствовала и как бессознательный навык, и как рациональное знание логики. Такой уровень вхождения логики в интеллектуальную культуру университетской философии имел атрибутивный характер. В качестве негативного примера маргинальности иных стилей ведения дискуссии рассмотрен эпизод спора А.И. Введенского с И.С. Проданом. А вот дискуссия Введенского и Лосского по вопросам логики явила собой пример образцовой конструктивной научной дискуссии. В параграфе реконструирован ряд основополагающих для этих философов спорных логических проблем, а также контекст их обсуждения, в которое включались И. И. Лапшин, С. И. Поварнин, И. С. Продан и другие. Показано, что рассматриваемая дискуссия имела обширный мировоззренческий характер, при том что речь все же шла о логике и вопросах познания, связанных с нею. Выделены и разобраны следующие дискуссионные проблемы, возникшие между Введенским и Лосским: трактовка причинности и природы условной логической связи; вопрос о правильности условно-категорических умозаключений; трактовка аналитических и синтетических суждений и условий их истинности, а также роли анализа и синтеза в познании; толкование операции определения понятия; вопрос о природе, специфике и о значении каждого из законов логики; психологизм в обосновании логики, в котором учитель и ученик обвиняли друг друга; подходы к выстраиванию логического знания и приоритет тех или иных логических форм

(например, суждений или умозаключений); вопрос об условиях истинности единичных и общих суждений; отношение к реализму как мировоззренческой позиции. Показано, что обсуждение статуса логики постоянно выводило философов за границы сугубо логической проблематики.

В параграфе выделены и сопоставлены характерные черты модусов логики А.И. Введенского и Н.О. Лосского. Выявленные сходства: выбор в пользу традиционного типа логики; представления о критической, образовательной и эвристической роли логики; некоторые аспекты понимания сущности логических законов; фиксация и критерии анализа проблемы психологизма. Область расхождений модусов логики учителя и ученика – философские предпосылки (кантианство и интуитивизм). Данный философский диалог является примером целостности логико-методологического опыта университетских философов, находившихся в разных идейных контекстах, но на одном культурно-историческом поле.

Обобщая результаты анализа дискуссии, можно сказать, что для логико-методологического опыта русских философов того времени было характерно неприятие или равнодушие к современным средствам символической логики и склонность вводить в логику философские, не формальные, но содержательные элементы, придавая тем самым логике своеобразное антропологическое измерение. В завершение параграфа сделан вывод о том, что логико-методологический опыт представителей различных философских традиций в России первой половины XX века (кантианской, интуитивистской) имеет общие культурно-исторические основания, поскольку логика в России того времени как университетская дисциплина становилась частью интеллектуальной культуры, включающей в себя системное философское знание и образовательные практики.

В § 1.1.3. «Философские основания курса «Логика» Г. Шпета» выявлено своеобразие взгляда этого выдающегося мыслителя на логическую науку и её методологическую роль. Показано, что логическое учение Шпета необходимо причислить к достижениям университетской философии России первой половины XX века, что этот логико-методологический опыт оригинален и важен для русской традиции осмысления сущности и роли логики, что идеи Шпета требуют актуализации в новых эпистемологических условиях. В параграфе выделены наиболее вероятные причины, пробудившие интерес Г. Шпета к логике (наставничество Г. И. Челпанова, первые опыты преподавания логики, авторитет Гуссерля и др.). Для обоснования того факта, что Г. Шпет отводил логике центральную методологическую роль, проанализированы его «Лекции по логике». Шпет рассматривает логику как знание о научном изложении и учение о методах наук и поэтому отрицает абсолютизацию формального в логике. Логика просто не может понять методы, ничего не зная о содержании той или иной научной отрасли. Как одна из центральных рассмотрена шпетовская идея о том, логика дает возможность различным отраслям знания определить свой предмет, потому что логика работает с понятиями, а понятия коррелятивны некоторым предметностям («История как проблема логики»). Отсюда, каждый подлинный ученый должен быть логиком, чтобы профессионально очерчивать свой предмет. Шпет вслед за Фреге и Гуссерлем считает существование чистой

логики необходимым, но наряду с этим логика в понимании Шпета имеет отчасти неформальный характер (так, он не верил в плодотворность математизации логики). Образ логики Шпета предполагает принцип дополнительности чистоты и содержательности логики, синтетический её характер. Эта амбивалентность логики отмечается и современными эпистемологами (Л.А. Микешина). Структура логики, по Шпету, согласуется со сложившейся традицией (понятие, суждение, умозаключение, учение о методе), но шпетовская трактовка логических форм самобытна. Обосновано, почему раздел о понятии является ведущим в структуре логической науки для Шпета.

Далее объяснено, почему история рассматривается Шпетом именно как проблема логики и почему логика призвана решать в первую очередь именно методологические задачи. В завершение параграфа диссертант обращается к мыслям Шпета по поводу будущего логики. Показано, что мнение мыслителя о том, что принципы формальной логики, положенные в основу гуманитарных наук, оказываются недостаточными для эффективного исследования конкретных социально-гуманитарных проблем, предвосхитили дальнейшее развитие логики и эпистемологии. Предложенная Шпетом концепция «герменевтической логики» («герменевтической диалектики научных понятий») может сегодня рассматриваться именно как особая конкретно-научная методология гуманитарного познания, имеющая свою логическую специфику. Сделан вывод о том, что для гуманитарных наук чрезвычайно важны сегодня такие методологические подходы, которые обеспечивали бы необходимый уровень научной рациональности, но отвечали бы специфической природе предметов социогуманитарного знания. В этом контексте творчество Г. Шпета обладает современной логико-методологической значимостью.

Во второй главе «Логико-методологические идеи университетских философов и их значение для современных эпистемологических дискуссий» представлен анализ некоторых важнейших логико-методологических проблем, волновавших русских университетских философов. Даются необходимые отсылки к современному состоянию гуманитарной эпистемологии. В § 1.2.1. **«Проблема рациональности в идеал-реалистической концепции Н. О. Лосского»** раскрывается системный характер взгляда философа на проблему, а также показана актуальность его идей в свете современных подходов к рациональности. Логико-методологические воззрения имели принципиальное значение для идеал-реалистической теории Лосского. Рассмотрено представление логических вопросов в программном труде философа «Обосновании интуитивизма» (1908), выделена особая «интуитивистическая» интерпретация логики. Показано, что именно посредством логической фундированности интуитивист придавал своей концепции рациональный характер. Логика помогала ему в проработке гносеологической и онтологической частей системы и связывании метафизической части мировоззрения с разработкой отдельных философских проблем. Далее исследование обращается к «Логике» Лосского. Мыслитель четко демаркирует свою модель логики от учений традиционной классической, индуктивной и

критической логик. Выявляются эпистемологические предпосылки образа логики Лосского, коренящиеся в его версии интуитивизма.

Показана связь интуитивистской трактовки логики с пониманием рациональности, которое реконструировано из задаваемых Лосским условий истинности суждений. Знание имманентно познаваемой действительности, поэтому онтологические отношения идентичны логическим. В суждении это логическое отношение субъекта и предиката выражает связь основания и следствия. А она, в свою очередь, является необходимой синтетической связью. Показано, что идея необходимого характера синтетической логической связи оказывается значимой при развертывании онтологического учения («Мир как органическое целое»), а также то, что синтез имеет для Лосского приоритетный характер и позволяет достичь рационального знания о мире. Для Лосского синтетические суждения обладают логической необходимостью, а аналитические суждения являются бесплодным тавтологиям.

Также понятие рациональности раскрывается у Лосского через установление отношений бытия и знания, которые, в свою очередь схвачены в логических законах. Главным с точки зрения рациональности является закон достаточного основания. В § 1.2.1. выделена интересная идея Лосского о том, что связь основания и следствия фундаментальна не только для рациональности, но и для мышления как такового. То есть в контексте логико-методологического опыта Лосского рациональное мышление и мышление – это равнозначные понятия, суждение и истинное суждение – это одно и то же. В связи с этим далее зафиксирована проблема демаркации суждений от несуждений и мышления от иных процессов. Установлено, что Лосский возлагает эту функцию на закон достаточного основания, являющийся естественным для мышления и самым фундаментальным среди законов логики.

Далее показано, как интуитивист рассматривает проблему дуализма рационального и иррационального. Средствами интуитивизма философ расширяет представление о рациональности через своеобразную дополненность рационального и иррационального.

В завершение параграфа затронут вопрос об историчности рационального познания и проведены параллели с постнеклассической установкой историзма научной рациональности, взятой в ее социокультурном измерении. Отмечается, что Лосский также избегает панлогизма в этом вопросе. Параграф завершает обобщение о том, что понятие рациональности в логико-методологическом опыте Лосского (также как и Введенского) вырабатывалось для подведения необходимых и достаточных оснований под его философскую доктрину, для обеспечения её целостности и системности.

В § 1.2.2. «Роль логических построений И. Канта в логико-методологическом опыте Н. О. Лосского» представлено влияние кантовских идей на становление и развитие рациональной стороны мировоззрения Лосского, выделены и проанализированы основные вехи идейного диалога с кёнигсбержцем. Первым и важнейшим пунктом на этом пути стал опыт перевода «Критики чистого разума», осуществленный Лосским в 1907 году. Реконструированы мотивы и задачи, побудившие Лосского к работе над

переводом: проверка восторженных оценок критицизма, которые давал его учитель Введенский; стремление достичь целостного объяснения мира и познания, построить метафизику в преодоление Канта; стремление построить самостоятельную версию синтеза эмпиризма и рационализма; попытка разрешить столкновение двух основополагающих влияний в своем мировоззрении – Лейбница и Канта; поиск гносеологического оправдания собственного интереса к метафизике; установление координации между познающим субъектом и познаваемым объектом, для чего Лосскому потребовалось понятие созерцания; желание сделаться сопричастным гению Канта и полезным для философствующего сообщества; система научно-этических принципов, следуя которой Лосскому требовалось достичь досконального понимания критикуемой доктрины путем перевода основополагающего текста и др. В § 1.2.2 подчеркивается, что в споре с учителем А.И. Введенским проработка кантовской гносеологии стала для Лосского необходимостью. При этом важно, что проект логицизма Введенского пробудил уважительное отношение к логике в среде его учеников. И Лосский воспринял многие логические темы, важные в контексте прочтения Канта: идею опорной роли логики для построения гносеологии, идею эвристического значения синтетических суждений и вообще понятие синтетического, саму логико-методологическую значимость учения о суждениях.

Далее в параграфе проработан вопрос о переводе Кантова понятия *Anschauung* (созерцание) Лосским и в последующей традиции. Специфика подхода Лосского при переводе объясняется тем, что он выделяет интуитивные акты различной природы и экстраполирует это различие на текст Канта. В заключении § 1.2.2 выделены важнейшие аспекты идейного взаимодействия Лосского и Канта: 1) развитие гносеологии интуитивизма в виде критического «разговора» с великим кёнегсбержцем («преодоление»); 2) амбиции новаторства (традиционализм ассоциировался у Лосского с Кантом и Введенским); 3) стремление сделать свою аргументацию более изощренной в спорах с Введенским; 4) осознание потребности в новой истолковании Канта на пути к «отвлеченному идеал-реализму»; 5) назревшая необходимость нового и лучшего перевода КЧР. В связи с этим проанализирован отзыв Г.Г. Шпета на перевод КЧР, сделанный Лосским.

§ 1.2.3. «Логические исследования Густава Шпета в контексте современных философско-методологических дискуссий» обращен по большей части к работе «История как проблемы логики» Г.Г. Шпета с точки зрения выявления её современного значения. Выделены актуальные аспекты логико-методологического опыта Шпета, приобретшие особое звучание в свете развития логики и содержания философско-методологических дискуссий. Так, особое внимание уделено вопросу о логике исторического исследования и принципах реконструкции истории логики. В работах Шпета обнаруживается возможность одной из методологических стратегий упорядочивания истории логических учений – герменевтическая реконструкция истории логики. При обращении к шпетовскому пониманию логики как методологии выявляется ряд

перекличек с современным поризматическим подходом В. Н. Брюшинкина. Сходная черта – дуалистическая дополнительность в объяснении исторического развития логики. Параграф отсылает к идее Шпета о том, что логика должна трактоваться как с точки зрения её нормативности, так и с содержательной стороны. Отсюда вытекает методологически важный вывод: историю логики как историю философской дисциплины необходимо реконструировать с учетом логического материала и философских установок авторов логических концепций. Далее из шпетовской «Истории как проблемы...» выделены аргументы в поддержку того, что логика дает особый способ структурирования знания, способ «выражения научного мышления», что логика должна трансформироваться вместе с эволюцией знания. Зафиксировано принципиальное отличие образа логики Шпета от образа логики кантианской традиции (А. И. Введенского). Установлены переклички синтетической формально-содержательной интерпретации логики Шпетом с позициями современных авторов (например, И. Н. Грифцовой) относительно «антропологизации» логики, развития неформальной логики. Такие трансформации предугадывал Шпет, когда строил феноменологический взгляд на логику исходя из структуры слова-понятия. Отмечено также, что формальная логика, лишенная необходимых эпистемологических добавлений, не интересовала русских университетских философов, они видели необходимость в обогащении логики. Шпет отчетливо зафиксировал эту тенденцию. Далее рассмотрен ряд актуальных ныне вопросов, которые так или иначе затрагивались в размышлениях Шпета.

Отдельное обсуждение в параграфе получила реакция на «Историю как проблему логики» со стороны видного русского методолога В. Н. Ивановского, который дал отзыв о книге и поставил ряд вопросов: о случайном и необходимом в истории, о рациональности в истории как потоке случайных событий. Отмечено, что обсуждение этих проблем перекликается с современными исследованиями в гуманитаристике, а это подтверждает идею преемственности логико-методологических поисков в русской интеллектуальной культуре. Разобран и отрефлексирован ряд критических замечаний, содержащихся в отзыве Ивановского.

В § 1.2.3 обосновывается, что образ логики Шпета значим в контексте методологии исторического и социального познания в силу того, реальность предстает у него и как предмет логической обработки, и как предмет интерпретации. В этом контексте устанавливаются параллели с современными эпистемологическими поисками (А. Л. Никифоров). Выделена еще одна важная заслуга Шпета в «Истории как проблеме...»: он проанализировал труды Дж. Ст. Милля, Х. Зигварта, В. Вундта, К. Прантля, Э. Гуссерля и многие других и фактически осуществил реконструкцию логико-методологических проблем, представленных в истории мысли.

Отдельное внимание уделено особенностям употребления Шпетом понятия «логика» и современным комментариям по этому поводу. Показано, что логика и методология мыслятся Шпетом как равнозначные понятия. В заключении параграфа сделан вывод о том, что стиль философского мышления Г. Г. Шпета

органичен современной методологии «реконструктивной археографической герменевтики» (Т.Г. Щедрина), которая помогла автору диссертации в прочтении текстов русского феноменолога.

Проблема психологизма стала одной из важнейших тем логико-методологических дискуссий в отечественной университетской философии конца XIX-начала XX века. Различные теоретические и практические, традиционные и современные аспекты её осмысления нашли отражение **во втором разделе работы «Дилемма «психологизм-антипсихологизм» в университетской философии России первой половины XX века и современные проблемы методологии гуманитарного знания».**

Первая глава «Психологизм как логико-методологическая проблема: исторические истоки и современные тенденции» нацелена на комплексное рассмотрение вопроса об истории психологизма в России, о рецепции наиболее значимых зарубежных идей в дискуссии психологистов и антипсихологистов. Глава отвечает на вопросы о том как, каким образом, через каких авторов прошла проблема психологизма и почему следует возобновлять разговор о ней в историко-философском и методологическом ракурсах. **§ 2.1.1 «Исторические корни «психологизма» в русской философии начала XX века и его современное методологическое значение»** открывает констатация былой и современной значимости, многогранности проявлений антитезы «психологизма – антипсихологизма». Автор обращается к исследованиям Г. В. Сориной. Показано, что если в зарубежной науке первой трети XX века победа антипсихологизма считалась свершившимся фактом, то в России в это время аргументация по проблеме продолжалась в среде университетских философов. Причём тема психологизма встраивается в сферу гносеологических, логических, методологических, историко-философских «разговоров». Из чего вытекает вывод: взаимодействие философских систем показательно с точки зрения проблемы психологизма в контексте становления методологии гуманитарного знания. Далее сформулировано определение психологизма и дана проекция этого определения на логико-методологические исследования. Выделен ряд логико-методологических тенденций и оценок, в связи с которыми психологизм приобретает актуальность (значимость эмпирического субъекта познания в современной гуманитарной эпистемологии; современная конвергенция логики, аргументорики, когнитивных наук, исследований по искусственному интеллекту; возрастающая роль неформальной логики; успехи современной психологии, эвристическая оправданность и применимость её методологических подходов в других современных областях).

Далее делается погружение в историю проблемы психологизма. Выделены проблематические контексты, в рамках которых велось обсуждение, а также намечены факторы, оказавшие наиболее существенное влияние на разработку и способы обсуждения психологизма в России конца XIX-начала XX века. Среди них, например, традиция совместного преподавания логики и психологии как философских дисциплин, связанных с мышлением. Также интерес к идеям классических психологистов XIX века: Дж. Ст. Милля, Т. Липпса, Х. Зигварта, В. Вундта. Рассмотрены некоторые проекты использования психологизма как

методологической стратегии. Например, Н.Я. Грот опирается на психологизм для определения предмета и задач философии. Мыслитель рассматривает психологию в качестве метазнания, методологической пропедевтики для различных наук, философии и логики. Ученик Грота Г. И. Челпанов также фундирует философское знание на психологии. И хотя в это время теоретическая опора на психологию еще не могла быть достаточно надежной, есть мнение о том, что в некоторых случаях (скажем, в случае с логикой Н. А. Васильева) проявился эвристический потенциал психологизма. Выделено еще одно явление в русской логике конца XIX – начала XX века – стремление некоторых авторов к развитию «практической логики» (напр., М. И. Каринского, Н. Я. Грота, Л. В. Рутковского, особенно явно – у С. И. Поварнина). Эти идеи построения практической логики объединяет то, что они основывались на представлениях о необходимости приближения логики к реальным процессам рассуждений.

Рассмотрено обращение Г. Шпета к проблеме содержательной интерпретации логики (в «Истории как проблеме логики»). Обнаружено, что он пытается отойти от психологизма и занять в этом вопросе серединную позицию «наблюдателя», указывая при этом на необходимость разграничения логики и психологии.

Можно сказать, что обсуждения предмета логики и ее методологической роли в контексте проблемы психологизма формировали общее смысловое поле рассуждений отечественных и зарубежных авторов на протяжении длительного периода. И сегодня в продолжающемся обсуждении методологических подходов психологии возникают вопросы, фиксирующие взаимопроникновение логического и психологического. И если метафизический вопрос о том, что есть мысль, когда-то приводил к конфронтации психологизма и антипсихологизма, то теперь, в рамках постнеклассической рациональности, приходит понимание того, что в мысли ценна сама мысль. Это и создает современный общий контекст логико-психологических исследований.

Следующий § 2.1.2. *«Логико-методологические идеи Дж. Ст. Милля в контексте отечественных философских дискуссий о психологизме»* сосредоточен на рассмотрении рецепции наиболее значимых логико-методологических идей английского индуктивиста. Констатируются современное существенное переосмысление предмета и функций логики, сопровождающееся критикой крайностей антипсихологизма и формализма. В русле этих тенденций вновь привлекает к себе внимание одна из самых мощных парадигм психологизма – концепция Дж. Ст. Милля. Его логико-методологическая теория имела колоссальное значение для русского научного сообщества конца XIX – начала XX века. В связи с этим дан обзор изданий Милля и о Милле, выделены русские авторы, которые так или иначе испытали влияние его логико-методологических идей (Н. А. Васильев, М. И. Владиславлев, А. И. Введенский, В. Н. Ивановский, М. И. Каринский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. И. Поварнин, Г. Г. Шпет и др). Среди причин популярности Милля в России можно указать на следующее. Милль представлялся очень значимым европейским автором, поскольку он дал самостоятельное структурирование важнейших компонентов логики и

эвристическую методологию научного знания. Также идеи Милля оказались важны при обсуждении вопроса о взаимосвязи и разграничении логики, психологии, философии и гносеологии. Под влиянием Милля распространялось представление о том, что логика с необходимостью пользуется психологическими фактами. Наряду с этим в § 2.1.2. отмечается, что признание заслуг Милля вовсе не означало беспрекословное принятие позиции психологизма русскими гносеологами и логиками. Среди наиболее серьезных возражений выделено несогласие В. Н. Ивановского с миллевским представлением о природе математического познания. Спорными для многих русских философов были и аргументы Милля против силлогизма. В связи с этими вопросами рассмотрены доводы М.И. Каринского, Г.И. Челпанова, а также более подробно – М. И. Владиславлева. Последний отталкиваясь от Милля выработал своеобразный взгляд на роль индукции и дедукции в научном познании, а также видение практического значения логики. Впоследствии такой подход оказался оптимальным для осуществления образовательных и научно-методологических задач логической науки в России. Показано, что это влияние ощущалось современниками ситуации (В. Н. Ивановским, С. И. Поварниным, С. С. Глаголевым).

Далее разобрана суть миллевской критики силлогизма и контраргументы А. И. Введенского. Для кантианца силлогистика является ядром теории доказательства, а силлогизмы дают новое знание. При этом обнаружено внутреннее противоречие между уверенностью Введенского в эвристичности силлогизма и его идеей о невозможности логики открытия. Вскрывается вероятный источник этой нестыковки. В противоречащих аспектах взглядов Введенского и Милля просматривается столкновение их философско-гносеологических пресуппозиций. Раскрыто, что за миллевской критикой силлогизма стоит гносеологическая установка о познаваемости мира, о единообразии причинно-следственных связей. А специфика позиции Введенского по вопросу об эвристичности силлогизма основывается на том, что у него общее суждение в силлогизме рассматривается как суждение с неопределенно мыслимой областью приложения. Поэтому силлогистический вывод предстает как нетривиальная операция, дающая приращение знания.

Другая важная сторона миллевской системы – его проект методологии наук о человеке, обществе, истории. Рассмотрена реакция на эту теорию русского методолога В. Н. Ивановского. Он призывал к осторожности в критике «номотетического» подхода Милля и указал на актуальность этого методологического проекта на фоне оживления поисков логики исторического познания. Выходу нового перевода миллевской «Системы логики» (1914) предшествовало издание значимых методологических работ в области гуманитарного знания (труды Б. И. Чичерина, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Стасюлевича, Р. Ю. Виппера). Весь корпус этих исследований говорит о том, что «генерализирующая» («номотетическая») трактовка исторического процесса (как у Милля) должна гармонизироваться с индивидуализирующим пониманием смысла истории. На этом фоне

миллевская «логика нравственных наук» остается востребованной и в дальнейшем развитии методологии науки.

В завершение § 2.1.2 рассмотрены оценки методологической доктрины Милля Г.Г. Шпетом, который находит подход британца к демаркации наук несколько упрощенческим, поскольку он базируется на рассмотрении ощущений, т.е. имеет психологический характер. К психологизму Милля Шпет относится критически. Но для него все же перспективны выделяемые в миллевской этологии понятия «тип» и «типическое». Здесь Шпет видит у Милля новое – не психологическое – истолкование предмета социальных наук. В заключении параграфа, указывается, что рецепция идей Милля русской логико-методологической мыслью представлена в различных вариантах, но все эти оценки находятся в рамках дилеммы «психологизм – антипсихологизм». Вектор рассмотрения логики как практической науки был задан Миллем и явно или скрыто присутствовал в развитии логических учений русскими логиками конца XIX – первой трети XX века.

В § 2.1.3. «Проблема «другого Я»: психологистские и антипсихологистские трактовки» зафиксировано, что проблема чужого сознания в отечественной философской традиции имела широкое обсуждение. Рассмотрены позиции по проблеме «другого Я» А. И. Введенского, Н. О. Лосского, И. И. Лапшина и Г. Г. Шпета. Угол зрения, принимаемый при реконструкции взглядов этих мыслителей – это методологические развороты относительно проблемы психологизма – антипсихологизма. Отмечено, что и сегодня проблема другого сознания находится на острие философских дискуссий. Для формирования точки зрения по проблеме «другого Я», определяющим является понимание познающего субъекта. В связи с этим в работе рассмотрены подходы и проблематизации современных эпистемологов (Л. А. Микешиной, В. А. Бажанова, В. А. Лекторского). Из всех представленных замечаний вытекает вывод о современной значимости русских дискуссий о «чужом Я», активно протекавших в конце XIX-начале XX века, поскольку они содержали интересные подходы, вполне самостоятельные идеи, иногда незаслуженно забытые.

Так, актуализирована идея «восполнения» как особой социальной и личностной связи между человеческими «Я», представленная у В.С. Соловьева. Высказывается мысль о том, что Соловьев прочертил некий вектор не теоретизирующего, а феноменологического отношения к проблеме субъект-субъектных отношений.

Далее рассмотрено обсуждение работы А. И. Введенского, посвященной проблеме чужой одушевленности (1892). По Введенскому, чужая одушевленность для нас недоступна, она находится за пределами возможного опыта. Поскольку проблема «другого Я» является метафизической, кантианец отказывается от логического доказательства бытия чужой одушевленности. Конституировать чужую душевную жизнь можно только посредством метафизического чувства. При этом показано, что выход на метафизический уровень осмысления проблемы не ослабил действия свойственной философу

логической культуры и рационального стиля его философских размышлений. При этом Введенский последователен в своей антипсихологистской позиции.

Не менее важное значение придается решениям И. И. Лапшина (анализируются работы «Проблема “чужого я” в новейшей философии» (1910) и «Опровержение солипсизма» (1924)). И. И. Лапшин солидаризируется с А. И. Введенским в том, что очевидность непосредственной данности «чужого Я» иллюзорна. Видя причину этой иллюзии в «склонности человека к эстетической перевоплощаемости», в том, что каждый как бы видит себя в роли другого человека, Лапшин дает психологическое объяснение проблемы. Отмечено оригинальное развертывание Лапшиным проблемы «чужого Я» в плоскости исследования феномена художественного творчества. Устанавливаются параллели в подходах И.И. Лапшина, А.И. Введенского и В.С. Соловьева. Культурфилософский угол зрения на подход Лапшина к проблеме «чужого Я» позволяет соотнести его с идеями Н. О. Лосского (проблематика выделена из работ: «Восприятие чужой душевной жизни», «Обосновании интуитивизма», «Мир как органическое целое», «Трансцендентально-феноменологический идеализм Гуссерля», «Perception of other selves», «Extrasensory Perception and Psychokinesis»). Важно, что Лосский предпринял обстоятельный разбор и критику феноменологических подходов к проблеме alter ego. Сам интуитивист сочетает логическое и психологическое решение вопроса о существовании внутренней жизни других людей. Такой подход Лосского опирается на имманентизм, при котором возможна одновременная трансцендентность и имманентность «Я» (концепция гносеологической координации, при которой наблюдаемый предмет одновременно имманентен сознанию, но трансцендентен познающему субъекту). В этом проступают сходства с гуссерлевской «трансцендентностью в имманентности», упоминаемой в «Идеях I». Лосский нашел способ субъект-объектной связи, при которой, если объектом выступает «другое Я», то в его взаимодействии с «Я»-субъектом преодолевается их разобщенность. Из полученного выше вывода о взаимовыразимости логических и онтологических законов в системе Лосского можно заключить, что и всякое «Я» имеет под собой объективное достаточное основание, а именно – сверхчеловеческое единство.

Пример философии Лосского демонстрирует, сколь значимы были логико-методологические взгляды для решения многих философских проблем в отечественной философской традиции. Ценно также и то, что Лосский описал механизм, который, современными словами, позволяет созидать структуры коммуникативной рациональности. Признавая значимость логического, он расширяет понятие рациональности за счет возможностей интуиции. Проведены параллели с современными трактовками интуиции (А.С. Кармин, Л.А. Микешина, Т.М. Артемьев).

Рассмотрены также культурфилософские развороты проблемы «другого Я» в контексте интуитивизма Лосского. Философ уловил постепенное скатывание к виртуализации культуры, когда омассовленный человек подменяет пустыми структурами всю содержательность собственного «Я». Взаимодействие с «другими Я» преподносится Лосским как ценность, как очевидная

непосредственная данность осмысленного общения. Он уловил то, что приобрело значимость сегодня: возвращение к личностному, глубоко и философски осмысленному пониманию общения.

Далее проанализировано, как Г. Г. Шпет в «Сознании и его собственнике» продолжил линию осмысления проблемы «другого Я». Представление о другом субъекте, по Шпету, следует искать в сознаваемом, которое всегда особенно. Каждое сознание для своего установления нуждается в других соотносимых с ним предметах. Шпет критикует подход Лосского к проблеме, считая его дуалистическим, искусственно разделяющим содержание сознания, которое на самом объединено в «Я». Анализируя подходы к проблеме, Шпет оспаривает эффективность применения принципа двузначности и вообще строгого формально-логического метода при осмыслении феномена сознания. Русский феноменолог настаивает на невозможности абстрактного познающего субъекта, «Я вообще», поскольку за абстракцией сознания оказывается потерян его носитель, собственник «Я», способный вступить в общение и объективировать себя. В параграфе выявляются параллели в подходах Н. О. Лосского и Г. Г. Шпета: принципиальная необобщаемость «Я»; взаимная обусловленность «другого Я» «моему Я»; констатация того, что проблема «Я» и «чужого Я» не может быть предметом только лишь психологической или логической интерпретации. Показано, что сама проблема «чужого Я» становится исходной для разработки других философских вопросов. Для Шпета – социально-исторических, для Лосского – метафизических.

В итоге § 2.1.3. сделано обобщение о том, что понятия «Я» и «чужое Я» для русских университетских философов являются взаимоположенными. Их согласие и общий стиль размышлений состоит в понимании человеческой субъективности не только как научной проблемы, но и как возможности осуществления глубоких бытийственных целей (восполнения, реализации морального чувства, воплощения творческого начала и т.д.).

Вторая глава «Понятие «стиль философского мышления» в контексте дилеммы «психологизм – антипсихологизм»» демонстрирует эффективность использования концепта «стиль философского мышления» для осмысления логико-эпистемологического опыта русских университетских философов на материале их отношения к дилемме «психологизм – антипсихологизм». Выделены различные аспекты внутреннего единства рассматриваемого периода отечественной философии.

§ 2.2.1. «Стиль философского мышления: в поисках преемственности философской культуры» открывает мысль о том, что смысловое единство русской философии прослеживается не только тематически, но и методологически. Учет этих аспектов позволяет понятие «стиль», используемое в современной эпистемологии. Рассматриваются различные современные трактовки и конкретизации этого понятия, обосновывается переход от понятия стиля научного мышления к понятию эпистемологического стиля. Эпистемологический стиль определяется в работе как система социокультурно и индивидуально-психологически обусловленных логико-методологических и риторических приемов, а также понятий и проблем, имеющих общность и

преемственность в познавательном опыте различных ученых. Следующий в методологическом ряду концепт – это понятие стиля философствования (стиля философского мышления). Оно применимо к философской составляющей интеллектуального творчества отдельного мыслителя. Использование указанных понятий способствует установлению связей в интеллектуальном пространстве и времени.

Далее на основании тезиса о том, что русская философия – это целостный культурный феномен, проработано понятие интеллектуальной культуры. В этом контексте речь идет о культурно-исторической эпистемологии, показаны преимущества этого подхода. Историзм в стиле философского мышления предполагает диалог исследователя с «другими Я». Следуя таким путем можно прийти к пониманию того, почему некоторые слова-понятия (термин Г. Шпета) и темы оказывались важны для каждого из мыслителей, почему они оказывались сквозными для философов очень разных направлений. Автор работы обращается к исследовательскому опыту «затекстовой» работы Б. И. Пружинина и Т. Г. Щедриной по экспликации слов-понятий, а также к опыту междисциплинарного синтеза истории и герменевтики Л. А. Микешиной. Актуализируются методологические ответы, предложенные внутри отечественной интеллектуальной истории (например, Г. Шпетом).

Отдельное внимание в этом параграфе уделено феномену логической культуры (ЛК) как одному из проявлений стиля философского мышления и как одному из атрибутивных качеств многих университетских философов начала XX века (в этом контексте проработаны идеи Н. О. Лосского, С. И. Поварнина, И. И. Лапшина). Сделан вывод о том, что сегодня, так же как и в начале XX века, актуален опыт владения ЛК, что ЛК – это фактор единства и преемственности русской философии. Дана авторская проработка понятия ЛК и её параметров. *ЛК – это формируемая в процессе изучения логики система качеств рефлексивного формального мышления, которые состоят во внутреннем требовании ясности, отчетливости, непротиворечивости, последовательности и обоснованности мыслей и их речевой экстерииоризации.* Показано, что все выделяемые автором признаки ЛК были реализованы в логико-методологических опытах Н. О. Лосского, А. И. Введенского и Г. Г. Шпета. Важно, что ЛК согласовывает внутренние требования к мышлению с внешними идеалами, целями и ценностями научного исследования. ЛК формируется только в общении, встраиваясь в стиль философского мышления, имплицитно транслируемый в общей интеллектуальной культуре.

В заключение параграфа показано, что исследования стилей философского мышления русских философов первой половины XX века в их содержательном разнообразии обнаруживают те самые вопросы, которые возникают и в современном гуманитарном познании, образовании и в размышлениях о практической роли философии для будущего цивилизации. Подчеркивается, что объединяющим феноменом для русских философов первой половины XX века также является высокий уровень ЛК, с точки зрения которой

предъявлялись определенные требования к философствованию как деятельности.

В § 2.2.2. «Стиль философствования в контексте различных культурных оснований (Лосский vs Кант)» методологические принципы, введенные в предыдущей части работы, применяются к сопоставительному анализу философствования Н.О. Лосского и И. Канта. Выше в § 1.2.2 показано, что Кант сыграл существенную роль в логико-методологическом опыте Лосского. На этой основе проводится компаративистский анализ. Исходной точкой тематической близости философов избраны размышления об особенностях национальной идентичности (выраженные в «Антропология с прагматической точки зрения» И. Канта и «Характере русского народа» Н.О. Лосского), которые «прокинуты» на стиль философствования самих мыслителей.

Реконструкция особенностей стиля философского мышления дополнена анализом его риторической составляющей. Риторический анализ рассматривается как неформально-логический анализ, приближающий исследователя к раскрытию культурно-исторической и ценностной подосновы различных философских концепций. При этом используется теоретическая опора на понятия стиля и топа (общего места) в разработке Ю.В. Рождественского, понятие пресуппозиции в разработке В.Н. Брюшинкина. Автор диссертации преподносит «общие места» в качестве своего рода маркеров, погруженных в стилистически организованную структуру философского текста.

На указанных выше методологических основаниях проведен анализ типических параметров русской культуры, выделяемых Н. О. Лосским. Эти культурные доминанты применены к анализу стиля философского мышления самого Лосского в сопоставлении со стилем И. Канта. Выявлено, что в антропологии Лосского имеется пресуппозиция индивидуального, Кант же в своих антропологических построениях исходил из универсалистских установок. Далее показано, что выявляемые Лосским характерные черты русского народа соответствуют топам противопоставляющим, подчеркивающим крайности («сопоставление и противопоставление», «свойственное – несвойственное» и т.п.). И стилистике русской философии по большей части также свойственны указанные топы, а также такая черта как саморефлексивность (часто проявленная в крайних формах самобичевания-самолюбования). В антропологии Канта больше прослеживается опора на топ «род и вид», типологии встречаются преимущественно не дихотомические, а по видоизменению признака. У Лосского же, напротив, преобладают дихотомические деления. Эта логико-методологическая склонность русского философа соответствует противоречивости, свойственной характеру русского народа, на которую Лосский сам указывает. Он усматривает также в русской философской мысли стремление к всеохватывающему синтезу, включающему в целостное знание и чувственное, и интеллектуальное, и мистическое. Как было показано выше, Лосский, считал все суждения по сути синтетическими. Применительно к русской культуре ему было важно показать приоритет синтеза, целого, стремления к Абсолюту. И в философствовании можно отметить

акцентированное Лосским стремление к органической целостности (топ «часть и целое»). Критической философии Канта, напротив, не свойственно представление о мире как органическом целом. Последовательная рассудочность, исполнение долга, равная мера воздаяния и другие установки квалифицируются самим И. Кантом как черты национального характера немцев. Далее показано, что философствование Лосского содержит топ-категорию «относительное и абсолютное», который также укоренен в русской культурной традиции. Поиск Абсолюта, по Лосскому, - это одна из самых главных смысловых тенденций в русской философии. Тем самым философствование Н. О. Лосского содержит в себе архетипическое русского философствования как такового.

На фактическом историко-философском материале показано, что стиль философствования Лосского содержит пресуппозиции культурной значимости философского знания, необходимости его профессионализма, высокой логической и терминологической культуры. Можно обобщить, что хотя в русской философии рациональные установки были менее распространены, чем склонность к обоснованиям сверхрационального характера, тем не менее высокий уровень ЛК был атрибутивен для многих университетских философов. Причем ЛК соседствовала с мистическими прозрениями и индивидуальным религиозным опытом. Это проявление той самой амбивалентности в философской культуре, которую отмечает Лосский.

Установлено, что сходной чертой философствования Лосского и Канта является обращение к литературным образам для изображения тех или иных типических черт национального характера. Но условия их применения различны.

Завершающий работу § 2.2.3. «Сопоставление стилей философствования как поиск общности (Введенский vs Лосский)» отвечает на вопрос о том, можно ли при существенных идейных расхождениях учителя и ученика, найти некую стилистическую преемственность их философствования? Одной из таких общих постановок проблемы для А. И. Введенского и Н. О. Лосского явилась проблема психологизма, т.е. дискуссия о предмете логики и ее основаниях. Подходящей категорией для «схватывания» этого феномена выбрана шпетовская категория «слово-понятие». При анализе стилей философских размышлений Введенского и Лосского вокруг проблемы психологизма выделены и проанализированы типические контексты обсуждений: философско-методологический, гносеологический и логический. Далее выделен ряд основополагающих слов-понятий, при помощи которых философами строится исследование проблемы психологизма. Среди таких понятий, например, «мышление», «знание», «истина» и др..

Из проведенного анализа очевидно, что оба философа оценивают психологизм как негативное явление в науке, которое вредит и логике, и психологии, обосновывая это. При этом Лосский явно гносеологизирует логику, Введенский же логицирует гносеологию. Эта разнонаправленность вызывала идейные столкновения мыслителей. Показано, что различия в используемых словах-понятиях для решения схожих проблем порождает интерпретации, которые обусловлены разницей авторских модулов логики и их

гносеологических оснований. Общим для них является: понимание интерсубъективного характера истины; ценностная установка на эвристичность рационально обоснованного знания; требование логической культуры в познании; феномен рациональности связывается в первую очередь с логическими критериями и противопоставляется эмпиристским, психологическим подходам. В заключении параграфа делается вывод о том, сравнительный анализ учений, принадлежавших одной культурно-исторической реальности, может производиться с помощью современной культурно-исторической методологии, когда в центре исследования оказывается сам методологический опыт исследуемых философов.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы по основным вопросам и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Основные идеи диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (40 публикаций общим объемом 31,73 п.л.):

Монография

1. Попова, В.С. Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века. Монография / В.С. Попова. – Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2010. – 161 с. (10,1 п.л.)

Статьи, опубликованные по перечню ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ

2. Попова, В.С. Логическая культура сквозь призму философского текста (на материале «Философии изобретения и изобретения в философии» И.И. Лапшина) / В.С. Попова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Том 4 (70). – №4 – С. 76-85. (0,7 п.л.)

3. Попова, В.С. О роли логики в историческом познании: опыт русских мыслителей начала XX века / В.С. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №4 (46). – С. 51-57. (0,69 п.л.)

4. Попова, В.С. Логика в России конца XIX - начала XX вв.: некоторые тенденции и оценки / В.С. Попова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 336–339. (0,5 п.л.)

5. Попова, В.С. Культурно-историческое сознание ученых-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: Опыт федеральных университетов. Материалы “круглого стола – онлайн-конференции” / Б.И. Пружинин, Ф.Е. Ажимов, В.В. Балановский, В.Х. Гильманов, О.Л. Грановская, И.Н. Грифцова, И.С. Кузнецова, Л.А. Микешина, В.И. Повилайтис, Д.В. Полянский, В.С. Попова, Р.Ю. Сабанчеев, Г.В. Сорина, В.А. Чалый, И.О. Щедрина, Т.Г. Щедрина, А.В.

Юров, С.Е. Ячин // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 5–37. (2,64/0,14 п.л.)

6. Попова, В.С. Логика в самосознании философской эпохи (Россия конца XIX- первой четверти XX вв.): о методологии исследования / В.С. Попова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10. – С. 184–187. [Электронный ресурс] URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10/philosophy/popova.pdf (0,44 п.л.)

7. Попова, В.С. Логические исследования Густава Шпета в контексте современных философско-методологических дискуссий (размышления над книгой «История как проблема логики») / В.С. Попова // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 129–137. (0,71 п.л.)

8. Попова, В.С. Психологизм как логико-методологическая проблема: исторические корни в русской философии начала XX века и современное значение / В.С. Попова // Психология и психотехника. – 2015. – №6. – С. 570-578. (0, 67 п.л.)

9. Попова, В.С. Лосский и Ландау: метафизические основания философско-политических рассуждений / В.С. Попова, Д.В. Гурин // Ценности и смыслы. – 2015. – № 4 (38). – С. 25–37. (0,9 п.л./0,4 п.л.)

10. Попова, В.С. О подходах к анализу стилей философствования (на примере дискуссии А.И. Введенского и Н.О. Лосского вокруг проблемы психологизма) / В.С. Попова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 247–260. (0,95 п.л.)

11. Попова, В.С. Логико-методологические идеи Дж. Ст. Милля в контексте отечественных философских дискуссий конца XIX – первой четверти XX вв. / Т.Г. Щедрина, В.С. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 96–105. (0,96 п.л./0,5 п.л.)

12. Попова, В.С. Эпистемологический стиль: в поисках преемственности философской культуры / В.С. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2(32). – С. 152-156. (0,5 п.л.)

13. Попова, В.С. И. Кант в становлении философского мировоззрения Н.О. Лосского: опыт перевода / В.С. Попова // Кантовский сборник. – 2015. – № 2 (52). – С. 62–75. (1 п.л.)

14. Попова, В.С. Проблема «другого Я» в культурфилософском свете (о некоторых идеях русских мыслителей). / В.С. Попова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т.14. – № 4. – С.195-203. (0,8 п.л.)

15. Попова, В.С. Один спор о логике: А. И. Введенский vs Н. О. Лосский / В.С. Попова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3. – С. 54–62. (0,8 п.л.)

16. Попова, В.С. Роль логики и учения о рациональности в идеал-реалистической концепции Н.О. Лосского / В.С. Попова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Выпуск 12: Гуманитарные науки. – С. 116-123. (1 п.л.)

17. Попова, В.С. Культурные основания стиля философствования (на материале творчества Н.О. Лосского в сравнении с антропологией И. Канта) / В.С. Попова // Кантовский сборник. – 2011. – № 4 (38). - С. 75–85. (0,9 п.л.)

Научные статьи и тезисы выступлений

18. Попова, В.С. Логическая культура сквозь призму философского текста: некоторые страницы русской логики / В.С. Попова // Философский текст в современной текстовой культуре. Материалы всероссийской конференции. Под редакцией О.В. Зарапина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 177-180. (0,16 п.л.)

19. Попова, В.С. О роли логики в историческом познании: опыт русских мыслителей начала XX века (А.И. Введенский, Н.О. Лосский, Г.Г. Шпет, Н.И. Кареев) / В.С. Попова // История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке: материалы международного семинара, 15–17 октября 2018 г. / [ред. кол.: Ф. Е. Ажимов, П. Г. Добмаев, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина]. – Владивосток: Изд. Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 319-322. (0,2 п.л.)

20. Попова, В.С. Актуальность логико-методологического опыта Н.О. Лосского / В.С. Попова // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 69-70. (0,1 п.л.)

21. Попова, В.С. Логическая культура русских философов первой четверти XX века / В.С. Попова // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х т. – Т. 1 – СПб.: «Интерсоцис», Изд. РХГА, 2017. – С. 416-422. (0,6 п.л.)

22. Попова, В.С. Некоторые идеи русских логиков начала XX века в контексте методологии гуманитарного познания / В.С. Попова // Десятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2017 г. [редкол.: И. А. Герасимова, О. М. Григорьев, Д. В. Зайцев, Ю. В. Ивлев, В. И. Шалак; отв. ред. В. И. Маркин]. – М.: Современные тетради, 2017. – С. 151-152. (0,15 п.л.)

23. Попова, В.С. Размышление о взаимосвязи философско-логических и психолингвистических вопросов / В.С. Попова // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов. Науч. Ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Ритм», 2017. – Вып. 4. – С. 64-67. (0, 35 п.л.)

24. Попова, В.С. Культурные основания стиля философствования (на материале творчества Н. О. Лосского) / В.С. Попова // Николай Онуфриевич Лосский. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 162-181. (0,6 п.л.)

25. Попова, В.С. От логики к методологии гуманитарного знания: философский опыт Г. Шпета / В.С. Попова // Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков. Сборник статей и материалов международной научной конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 310-320. (0,6 п.л.)

26. Попова, В.С. Г.Г. Шпет о логике и её связи с философскими дисциплинами / В.С. Попова // Девятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 17–19 июня 2015 г. [редкол.: И.А. Герасимова, Д.В. Зайцев, А.С. Карпенко, О.М. Григорьев, Н.Е. Томова; отв.ред. В.И. Маркин]. – М.: Современные тетради, 2015. – С. 124-126. (0,13 п.л.)

27. Попова, В.С. Актуальные вопросы психологической интерпретации логики / В.С. Попова // "Проблеми викладання логіки та перспективи її розвитку", VI Міжн. наук.-практ. конф. (2014; Київ). VI Міжнародна науково-практ.-тична конференція "Проблеми викладання логіки та перспективи її розвитку", 15–16 трав. 2014 р. – Киев: Видавничо-поліграфічний центр "Київський", 2014. – С. 93-95. (0,2 п.л.)

28. Попова, В.С. Метапсихологистский взгляд на риторику / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2014. – №13. – С. 20-30. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3178/9371/> (0,5 п.л.)

29. Попова, В.С. Д.С. Милль в России: метатеоретические и исторические вопросы психологической интерпретации логики / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2013. – № 11. – С. 29-52. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3172/9359/> (0,95 п.л.)

30. Попова, В.С. Библиография трудов А.И. Введенского / В.С. Попова // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 212-223. (0,54 п.л.)

31. Попова, В.С. Логика в русском неокантианстве: образ логики А. И. Введенского / В.С. Попова, В.Н. Брюшинкин // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 11-25. (0,65 п.л./0,35 п.л.)

32. Попова, В.С. Логическая дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского / В.С. Попова // Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 162-181. (0,97 п.л.)
33. Попова, В.С. Два критика логики профессора А.И. Введенского / В.С. Попова, А.Г. Пушкарский // Модели рассуждений-5: Аргументация, коммуникация, общество: сб. науч. ст. – Калининград, 2012. – С. 211-225. (0,8 п.л./ 0,4 п.л.)
34. Попова, В.С. Онтология в метафизике versus онтология в теории аргументации / В.С. Попова, А.Г. Пушкарский, В.А. Чалый // Рацио.ru. – 2012. – № 8. – С. 99-26. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3165/9338/> (1 п.л./0,3 п.л.)
35. Попова, В.С. Проблема «чужого Я» и кризис культуры (о современном звучании идей Н.О. Лосского) / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2012. – №8. – С. 208-221. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3167/8857/> (0,6 п.л.)
36. Попова, В.С. Логика в русском неокантианстве: образ логики А.И. Введенского / В.Н. Брюшинкин, В.С. Попова // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 165-178. (0,65 п.л./0,35 п.л.)
37. Попова, В.С. Риторический анализ текста в исследованиях образа логики / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2010. – № 3. – С. 124-138. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3154/8885/> (0,7 п.л.)
38. Попова, В.С. Сравнительный анализ интерпретации силлогистики И. Кантом и А.И. Введенским / В.С. Попова // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход /под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 267-281. (0,7 п.л.)
39. Попова, В.С. Аргументация в логической дискуссии с точки зрения авторских образов логики (на материале фрагмента дискуссии А.И. Введенского и Н.О. Лосского) / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2009. – № 1. – С. 144-160. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3149/8850/> (0,78 п.л.)
40. Попова, В.С. Сравнительный анализ интерпретации силлогистики И. Кантом и А.И. Введенским / В.С. Попова // РАЦИО.ru. – 2009. – № 2. – С. 322-336. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3152/8873/> (0,7 п.л.)